

Райнхардт Р. О. Соглашение Лэйси — Зарубина 1958 года : у истоков советско-американской научной дипломатии / Р. О. Райнхардт, К. А. Немудров // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 431—446. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-431-446.

Reinhardt, R. O., Nemudrov, K. A. (2023). Lacy—Zarubin Agreement of 1958: Origins of Soviet-American Science Diplomacy. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 431-446. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-431-446. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-431-446

Соглашение Лэйси — Зарубина 1958 года: у истоков советско-американской научной дипломатии

Райнхардт Роман Отмарович

orcid.org/0000-0002-0890-8844

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры дипломатии
don.reinhardt@mail.ru

Немудров Константин Алексеевич

orcid.org/0000-0002-1651-8563

аспирант кафедры дипломатии
konstantin_nemudrov@mail.ru

Московский государственный институт
(университет) международных
отношений
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при
финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 18-78-10123-П

Lacy—Zarubin Agreement of 1958: Origins of Soviet-American Science Diplomacy

Roman O. Reinhardt

orcid.org/0000-0002-0890-8844

PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Diplomacy
don.reinhardt@mail.ru

Konstantin A. Nemudrov

orcid.org/0000-0002-1651-8563

Post-graduate Student,
Department of Diplomacy
konstantin_nemudrov@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 18-78-10123-П

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается Соглашение между СССР и США об обменах в области культуры, техники, науки и образования, подписанное 27 января 1958 года в Вашингтоне У. С. Лэйси, специальным помощником по вопросам обменов между Востоком и Западом государственного секретаря США, и Г. Н. Зарубиным, Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в США. Поднимается вопрос о роли названного соглашения в советско-американской научной дипломатии конца 1950-х — начала 1960-х годов. На основе рассмотрения биографий старших должностных лиц, участвовавших с американской и советской сторон в его заключении и реализации, исследован фактор личности в данных научно-дипломатических процессах. Доказано, что их высокий профессионализм, прагматизм и схожесть карьерных путей положительно сказались как на достижении взаимопонимания в отношении заключаемого межгосударственного договора, так и на придании последнему предельно конкретного характера. Особое внимание уделяется положениям соглашения Лэйси — Зарубина, регламентировавшим визиты ученых и научных работников, а также академические обмены. Для оценки эффективности имплементации договора в этой части в качестве источника введен в оборот и детально проанализирован Доклад Комитета Сената США по международным отношениям от 20 августа 1959 года, подготовленный под руководством сенатора Дж. Фулбрайта. Отмечено, что четкость при определении целей, средств и путей их достижения позволили соглашению Лэйси — Зарубина стать прочной и устойчивой к конъюнктурным колебаниям в условиях Холодной войны базой научно-технического сотрудничества СССР и США, определившей вектор их развития на протяжении последовавших за подписанием документа полутора десятилетий.

Ключевые слова:

советско-американские отношения; научная дипломатия; международное научно-техническое сотрудничество; соглашение Лэйси—Зарубина; Дж. Фулбрайт.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The Agreement between the USSR and the USA on exchanges in the field of culture, technology, science and education, signed on January 27, 1958 in Washington DC by W. S. Lacy US Secretary of State Special Assistant for East-West Exchanges, and G. N. Zarubin, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the USSR to the USA is considered. The question is raised about the role of this agreement in the Soviet-American science diplomacy of the late 1950s — early 1960s. Based on a review of the biographies of senior officials who participated on the American and Soviet sides in its conclusion and implementation, the personality factor in these scientific and diplomatic processes was investigated. It is proved that their high professionalism, pragmatism and the similarity of career paths had a positive impact both on reaching mutual understanding regarding the interstate agreement being concluded, and on giving the latter an extremely specific character. Particular attention is paid to the provisions of the Lacy—Zarubin agreement, which regulated the visits of scientists and researchers, as well as academic exchanges. To assess the effectiveness of the treaty implementation in this part, the Report of the US Senate Committee on Foreign Relations dated August 20, 1959, prepared under the leadership of Senator J. Fulbright, was introduced as a source and analyzed in detail. It is noted that the clarity in determining the goals, means and ways to achieve them allowed the Lacy—Zarubin agreement to become a solid and resistant to juncture fluctuations in the conditions of the Cold War, the basis for scientific and technical cooperation between the USSR and the USA, which determined the vector of their development over the decade and a half that followed the signing of the document.

Key words:

Soviet-American relations; science diplomacy; international scientific and technical cooperation; the Lacy—Zarubin agreement; J. Fulbright.

УДК 94:327(47+73)“1958”

Соглашение Лэйси — Зарубина 1958 года: у истоков советско-американской научной дипломатии

© Райнхардт Р. О., Немудров К. А., 2023

1. Введение = Introduction

27 января 1958 года в Вашингтоне было заключено Соглашение между СССР и США об обменах в области культуры, техники, науки и образования (далее — Соглашение [Agreement, 1958]), также называемое *соглашением Лэйси — Зарубина* по именам лиц, подписавших данный документ. С одной стороны, это соглашение стало важной вехой в истории советско-американских отношений, поскольку впервые установило рамочную платформу для комплексного двустороннего взаимодействия в области науки и культуры. До его подписания любые проекты и обмены в соответствующих сферах осуществлялись на точечной и нерегулярной основе. Соглашение же дало возможность уполномоченным и заинтересованным лицам в обеих странах проводить их, исходя из четкого и зафиксированного на межгосударственном уровне плана.

С другой стороны, оно знаменует собою важный рубеж с позиций научной и академической дипломатии. Достаточно сказать, что его парафирование, подписание и последующая имплементация происходили на фоне довольно напряженной международной обстановки в условиях Холодной войны [Analysis ..., 1961]. Тем не менее ни различия социально-политических систем, ни разница — местами даже несовместимость — внешнеполитических курсов, ни глобальные и локальные конфликты (в том числе мало известные широкой общественности [Немудров и др., 2019]) и противоречия двух сверхдержав не стали препятствием на пути достижения ими договоренностей в части прагматичного взаимовыгодного научно-технического сотрудничества.

В настоящее время диалог Москвы и Вашингтона тоже переживает весьма тяжелый период. По некоторым параметрам продолжающаяся деградация отношений представляется даже сильнее той, что наблюдалась в первые послевоенные десятилетия. Одной из крайне негативных тенденций видится практически полная приостановка научного диалога и сотрудничества между странами вкупе с заморозкой институциональных, а отчасти даже и индивидуальных контактов в этой плоскости [Райнхардт, 2022]. В связи с этим закономерно встает исследовательский вопрос: почему и как в конце 1950-х — начале 1960-х годов СССР и США, несмотря на обозначенные трудности, удавалось развивать эту сферу и совместными усилиями прийти к заключению столь масштабного стратегического соглашения?

Предлагаемая объясняющая гипотеза сводится к тому, что в основе успеха лежала высокая квалификация, прагматизм и определенная профессиональная близость переговорщиков на данном треке. Иначе говоря, фактор личности У. С. Лэйси, специального помощника по вопросам обменов между Востоком и Западом государственного секретаря США, с одной стороны, и Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в США Г. Н. Зарубина, а также впоследствии сменившего его М. А. Меньшикова, с другой стороны. Обладая во многом схожими профессиональными портретами и «бэкграундом», именованные деятели были нацелены на придание документу максимально конкретного характера в части целеполагания и средств достижения целей.

Благодаря такой установке, в научно-дипломатическом измерении Соглашение свободно от общих, обтекаемых формулировок и, наоборот, содержит индикативные показатели в части визитов ученых и обменов представителей высшей школы. Подобная конкретика, в свою очередь, позволила лицам, принимавшим решения, равно как и самим участникам научных мероприятий, эффективно реализовывать отдельные проекты.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Соглашение Лэйси — Зарубина, будучи одним из фундаментальных документов в области советско-американских научных и культурных связей, неоднократно упоминается в большинстве работ по истории двусторонних отношений [Иванян, 2007; Sher, 2019].

Вместе с тем в известных отечественных и зарубежных научных трудах оно практически не выступает в качестве полноценного и самостоятельного объекта исследования. Отечественные эксперты-американисты в своих работах раскрывают в основном то, как Соглашение влияло на общую динамику советско-американского диалога [Сазанова, 2007; Сазанова, 2013; Трегубов, 2017; Новиков и др., 2020] либо как оно само и предмет его регулирования (культурные и научные обмены) воспринимались политиками и обществом [Фоминых, 2018; Филлипс и др., 2019; Юдин, 2022]. При этом как в анализе действия, так и в рецепции замечен акцент на межкультурном измерении [Курляндцева, 2020; Курляндцева, 2021; Юдин, 2020]. В то же время его влияние на динамику научного сотрудничества по большей части остается за кадром и слабо представлено в научном дискурсе: главным образом в отдельных специализированных работах [Еремеева, 2011; Выборнова, 2019].

Фактор личности У. С. Лэйси, Г. Н. Зарубина и М. А. Меньшикова применительно к исследуемому сюжету также до сих пор не получил достаточного освещения в тематических исследованиях. Более того, в целом корпус работ, посвященных их биографиям, едва ли можно считать богатым. В отечественной и зарубежной историографии эти персоналии

фигурируют преимущественно в справочной литературе в контексте названного межгосударственного соглашения [Дипломатический словарь, 1960—1961; Ex-Ambassador, 1978].

Не представляли их биографии и предметом специализированных изысканий американских, равно как и иных иностранных историков дипломатии. В связи с этим представляется уместным кратко очертить и сопоставить некоторые штрихи жизненных путей подписантов соглашения, важные с точки зрения понимания их вклада в достижение консенсуса, который требовался для проработки рассматриваемого документа.

С учетом этого первым основным методом настоящего исследования выступает сравнительный биографический анализ протагонистов переговоров по заключению Соглашения, нацеленный на выявление общих черт, которые могли сыграть положительную роль в сближении позиций представляемых ими ведомств и, в конечном счете, государств.

Для оценки действия Соглашения и его эффективности в плоскости научной и академической дипломатии в качестве второго основного метода был использован экзегетический анализ текста соответствующих разделов. Затем был проанализирован доклад Комитета Сената США по международным отношениям от 20 августа 1959 года [United States Exchange Programs, 1959] о промежуточных результатах имплементации Соглашения, содержащий ценные количественные показатели и качественные оценки. Данный документальный источник, прежде не фигурировавший в профильных исторических исследованиях, вводится в оборот впервые. Посредством рассмотрения доклада были сопоставлены плановые и фактические индикаторы реализации Соглашения, что легло в основу синтетического осмысления его эффективности. Добавим, что в открытых источниках и доступных авторам архивных документах МИД России аналогичных аналитических материалов, в которых бы содержались оценки реализации Соглашения советской стороной, пока обнаружить не удалось.

Таким образом, научная новизна работы определяется прицельным и пристальным рассмотрением соглашения Лэйси — Зарубина не в призме «мягкой силы», публичной дипломатии [Фоминых, 2018] и кросс-культурного взаимодействия [Журавлева, 2013], но в качестве одного из уникальных инструментов и феноменов в истории научной дипломатии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Фактор личности в работе над Соглашением: У. С. Лэйси, Г. Н. Зарубин и М. А. Меньшиков

Успешному заключению Соглашения во многом способствовал фактор личности переговорщиков с американской и советской сторон. Главой

переговорной группы США как страны, где была достигнута договоренность, выступал опытный сотрудник Государственного департамента Уильям Стерлинг Берд Лэйси (1910—1978). Несмотря на богатый послужной список, включавший работу в трех американских загранпредставительствах в Азии, в исторических материалах национального органа внешних сношений У. С. Лэйси значится как «не-карьерный назначенец», иными словами, специалист, для которого дипломатическая служба не была основным видом профессиональной деятельности [William Sterling Byrd Lacy].

У. С. Лэйси родился в богатой и уважаемой семье из штата Вирджиния. Получил высшее экономическое образование в Университете Колорадо — штата, в котором его отец в 1925—1927 годах служил вице-губернатором. По окончании университета Лэйси-младший начал работать помощником по экономическим вопросам сенатора от штата Колорадо. Затем занимал ряд должностей по той же специальности в других государственных учреждениях, в том числе в созданном в 1942 году Совете по военному производству, а также в образованной в 1943 году Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНППА) [Ex-Ambassador ..., 1978].

В 1946 году поступил на службу в Государственный департамент США, где вскоре был замечен госсекретарем Дж. Маршаллом. Благодаря протекции влиятельного отца и главы внешнеполитического ведомства новоиспеченный дипломат получил назначение на ответственную должность в посольстве США в Индонезии, а позднее стал советником американской дипмиссии на Филиппинах. В 1955 году последовало назначение У. С. Лэйси послом США в Республике Корея. В силу различных обстоятельств как политического, так и личного характера он проработал на данном посту ровно семь месяцев, подав в том же году президенту Д. Эйзенхауэру прошение об отставке.

Завершив таким образом короткую посольскую карьеру, У. С. Лэйси был назначен специальным помощником госсекретаря Дж. Даллеса по вопросам обменов между Востоком и Западом. Его кандидатура на эту позицию была предложена американским Национальным советом безопасности, а также министрами иностранных дел трех стран-победительниц — СССР, США и Великобритании. Такая рекомендация и сам факт рассмотрения вопроса о замещении ставки на столь высоком уровне свидетельствовали о ее первостепенной важности и значимости. По сути, именно это, а не по большей части неудачная командировка в статусе главы диппредставительства в Республике Корея, стало кульминацией внешнеполитической карьеры У. С. Лэйси [Ex-Ambassador ..., 1978].

Перед новым сотрудником государственного департамента была поставлена задача развития и институционализации научных, технологиче-

ских, академических и культурных обменов США и их союзников со странами социалистического блока. Системная и последовательная работа по данному направлению в течение 1956—1957 годов и позволила подписать Соглашение, завершающая часть подготовки которого велась с 28 октября 1957 по 27 января 1958 года [Agreement ..., 1958].

С советской стороны визави У. С. Лэйси по переговорам в течение этих трех месяцев выступал Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в США Георгий Николаевич Зарубин (1900—1958). С точки зрения трудовой биографии, он также не был карьерным дипломатом, поступив на службу в НКВД в 1940 году в довольно зрелом возрасте [Дипломатический словарь ..., 1960]. Счетовод по первому образованию (1918 год), Г. Н. Зарубин отслужил 6 лет в Красной армии, затем сделал блестящую партийную карьеру. В 1931 году окончил текстильный факультет Промышленной академии и в том же году был сам назначен директором данного вуза. В 1935—1938 годах возглавлял Главное управление учебных заведений Наркомата легкой промышленности СССР, а с 1938 по 1940 год трудился в должности заместителя генерального комиссара и председателя художественного совета советской части Всемирной выставки в Нью-Йорке.

Получив назначение в центральный аппарат внешнеполитического ведомства, уже зарекомендовавший себя чиновник стал заведовать сначала Консульским отделом (1940—1941), то есть функциональным подразделением наркомата, потом его территориальным отделом, курировавшим США (1941—1944). Накопивший в результате труда на перечисленных руководящих должностях внушительный опыт по части организационной, хозяйственной, культурной и представительской работы, Г. Н. Зарубин был назначен послом СССР в Канаде (1944—1946), затем в Великобритании (1946—1952) и, наконец, в США (1952—1958).

Примечательно, что на момент подписания Соглашения 27 января 1958 года Г. Н. Зарубин формально уже не считался главой советской дипмиссии в Вашингтоне. 4 января 1958 года он пошел на повышение, став заместителем министра иностранных дел. А 7 января 1958 года новым послом Советского Союза в Соединенных Штатах был назначен другой выдающийся государственный деятель, бывший министр внешней торговли (1949—1951), экс-посол в Индии (1951—1957) Михаил Алексеевич Меньшиков [Дипломатический словарь ..., 1961]. Прибыв в американскую столицу в конце января и вручив верительные грамоты 11 февраля 1958 года, именно он впоследствии стал работать над воплощением в жизнь положений Соглашения. Тем не менее под Соглашением стоит подпись Г. Н. Зарубина в статусе «Его Превосходительства, Посла Союза Советских Социалистических Республик», у которого М. А. Меньшиков вскоре перенял эстафету.

Самому Г. Н. Зарубину так и не суждено было увидеть результаты работы, фундамент которой он заложил. По возвращении в Москву он скоропостижно скончался в ноябре того же года (к слову, У. С. Лэйси пережил его на 20 лет). Тем не менее его миссию по проработке и подписанию исследуемого документа можно с уверенностью охарактеризовать как успешную. Прежде всего благодаря ей он вошел в историю не только отечественной дипломатической службы, но также советско-американских связей в целом и научной дипломатии в частности [Иванян, 2007].

Что касается личного дела М. А. Меньшикова (1902—1976), сменившего Г. Н. Зарубина на должности посла СССР в Вашингтоне, стоит добавить, что, как и последний, он окончил курсы бухгалтеров-счетоводов, служил в РККА, работал экономистом, позднее получил профильное высшее образование [Дипломатический словарь ..., 1961]. С другой стороны, в 1943—1946 годах он был заместителем директора Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНППА). Таким образом, с У. С. Лэйси они пересекались по одному из предыдущих мест работы в военные годы. Еще одно любопытное совпадение заключается в том, что конец предыдущей заграничной командировки М. А. Меньшикова в должности посла СССР в Индии — 26 октября 1957 года — почти день в день совпал с началом заключительной фазы работы над Соглашением.

Анализируя фактор личности старших должностных лиц, принимавших непосредственное участие в заключении Соглашения и последующей имплементации его положений, уместно выделить следующие объединяющие их черты: базовое экономическое образование, богатый опыт практической работы в различных сферах, сравнительно поздний приход в сферу международных отношений и переход на дипслужбу, занятие посольских должностей, предшествовавшее работе над Соглашением. Целесообразно предположить, что наличие и сочетание этих характеристик упрощало переговорный процесс, способствовало большему взаимопониманию его участников, близких друг другу по духу в силу профессиональной формации, позволяло им во многом говорить «на одном языке», пусть и с переводчиком, и достичь таким образом общего видения финальной версии документа.

3.2. Содержание Соглашения и процесс его имплементации

Соглашение Лэйси — Зарубина включало 14 разделов (секций) и носило рамочный характер, охватывая широкий спектр вопросов от сотрудничества в области кинематографа и радиовещания до гастролей советских и американских артистов, а также установления прямого авиасообщения между двумя странами [Agreement ..., 1958]. Некоторые из разделов были весьма детализированными. Так, в разделе 8 указывались имена отдель-

ных выдающихся музыкальных исполнителей с обеих сторон, которых планировалось направить на гастроли: Э. Г. Гилельса, Л. Б. Когана, Б. Теббом, Л. Уоррена и других. Иные разделы носили предельно общий и декларативный характер — например, раздел 12, в котором фиксировалось взаимное намерение развивать туризм.

В контексте настоящего исследования интерес представляют разделы 9 и 10, посвященные визитам ученых и обменам университетскими делегациями соответственно. С точки зрения научной и академической дипломатии, раздел 9 наделял акторностью советские Академию наук, Министерство здравоохранения и Министерство сельского хозяйства, с одной стороны, и американскую Национальную академию наук, с другой. По линии этих органов в 1958 году предполагалось осуществлять входящие и исходящие визиты научных работников. При этом индикативно указывались продолжительность поездок (от двух недель до одного года), численность делегаций (например, 3—4 ученых-медиков) и география (в СССР — Москва, Ленинград, Киев). Схожим по духу и букве предстает раздел 10. В нем специфицировалось количество профессоров, преподавателей и студентов, призванных участвовать в программах академического обмена между Московским государственным и Колумбийским университетами, а также между Ленинградским государственным и Гарвардским университетами в 1958—1959 и 1959—1960 учебных годах.

Несмотря на краткость анализируемых разделов, их отличает предельная четкость и конкретика. Из текста становится понятно, что его составители, скорее всего, благодаря вышеописанному личному опыту, имели весьма ясное представление о том, как предлагаемые мероприятия могут выглядеть в жизни и что именно в организационной плоскости они будут собой представлять. Этим указанные положения выгодно отличались от других (в частности, от обозначенного «туристического» пассажа), носящих в сущности абстрактный и постановочный характер.

Положительным следствием такого обстоятельства видится динамика реализации Соглашения в данной части начиная с февраля 1958 года [Analysis ..., 1961]. Ее количественное и качественное описание подробно представлено в докладе Комитета Сената США по международным отношениям от 20 августа 1959 года [United States Exchange Programs, 1959]. Председателем данного комитета в том же 1959 году стал сенатор от штата Арканзас Джеймс Уильям Фулбрайт, уже широко известный на тот момент благодаря программе международных обменов и грантов, инициированной им в 1946 году и до сих пор носящей его имя. Впрочем, обмены Соединенных Штатов и Советского Союза в рамках именно этой программы начались лишь в 1970-х годах. Тем не менее во второй половине 1959 года

по указанию Дж. Фулбрайта был подготовлен развернутый доклад о текущих итогах реализации соглашения Лэйси — Зарубина.

Согласно этому ценному докладу, к лету 1959 года порядка 75 % проектов, определенных в Соглашении, были полностью завершены, а 90 % находились на различных стадиях реализации [United States Exchange Programs, 1959, p. 1]. За первый год функционирования Соглашения (28 января 1958 года — 26 января 1959 года) более половины входящих и исходящих визитов пришлось на научных работников: в указанный период СССР посетили 58 американских ученых, преподавателей высшей школы и студентов, а США — 54 их советских коллег. В других областях, попадавших в поле действия Соглашения (культурные обмены, гастроли артистов, спортивные соревнования), цифры составили 23 и 16 человек соответственно. Первое полугодие 1959 года тоже продемонстрировало устойчивый тренд, причем уже с перевесом в пользу советских специалистов, посетивших США: 24 советских против 19 американских участников программ обмена в сфере науки и технологий [United States Exchange Programs, 1959, p. 2].

Несмотря на отмеченные в докладе сложности в части консульско-визовых вопросов, не всегда оперативной поддержки предлагаемых американцами инициатив советской стороной, других технических, юридических и финансовых нюансов, коллектив Дж. Фулбрайта оценивал ход имплементации Соглашения как весьма успешный — прежде всего с политической точки зрения. Приводимые в том же докладе данные по сотрудничеству с Польшей, Чехословакией, Румынией и Венгрией не могли сравниться даже в совокупности с американо-советским взаимодействием ни по численности и объему, ни по масштабу отдельных проектов.

Наряду со сводной характеристикой осуществляемых в соответствии с Соглашением обменов, в докладе был приведен их полный перечень. Так, с 15 февраля по 1 июля 1958 года в области научной дипломатии было запущено 36 проектов в различных областях. Среди них — теоретическая и молекулярная физика, гастроэнтерология, органическая и неорганическая химия, ветеринария, фармакология, исследования Арктики и другие области знания [United States Exchange Programs, 1959, p. 16—18]. Лето и осень 1958 года принесли еще больше плодов за счет реализации 58 профильных проектов в тех же и некоторых смежных областях [United States Exchange Programs, 1959, p. 26—28]. В первом полугодии 1959 года цифра чуть снизилась — до 30 проектов, но зато расширилась номенклатура обменов: к уже имевшимся функциональным измерениям советско-американского научно-технического сотрудничества добавились вирусология, вакцинология и астрономия [United States Exchange Programs, 1959, p. 38—40]. На второе полугодие 1959 года к моменту публикации доклада

был согласован и инициирован еще 31 проект [United States Exchange Programs, 1959, p. 42—43].

Как явствует из приводимых статистических сводок, с момента старта в результате подписания Соглашения программа научно-технического сотрудничества между СССР и США характеризовалась высокой динамикой, была наполнена субстантивным содержанием и развивалась по восходящей. Первые систематические обмены между советскими и американскими учеными происходили на фоне далеко не простой международной обстановки в период между запуском первого искусственного спутника Земли в 1957 году и Карибским кризисом 1962 года. В этом контексте уместно вспомнить и знаменитые «кухонные дебаты» [Белякова, 2021] на тот момент вице-президента США Р. Никсона с председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым 24 июля 1959 года в выставочном центре парка «Сокольники» в Москве (эта выставка тоже упоминается в докладе [United States Exchange Programs, 1959, p. 37]) и иные резонансные эпизоды двусторонних отношений.

Что касается менее известных широкой публике событий, то весьма любопытными представляются частные случаи, демонстрировавшие то, что, помимо укрепления уже имевшихся форматов взаимодействия между учеными и научными институтами, Соглашение упрощало процесс подключения к имеющейся инфраструктуре и новых участников.

Одним из таких примеров может служить проведение в Новосибирском Академгородке в конце августа 1963 года значимого советско-американского симпозиума по дифференциальным уравнениям с частными производными [Выборнова, 2019]. С советской стороны организаторами мероприятия выступили Институт математики, Институт гидродинамики Сибирского отделения АН СССР и Новосибирский государственный университет, который, в свою очередь, сам был учрежден в 1958 году и начал работать во второй половине 1959 года, став в некотором роде ровесником соглашения Лэйси — Зарубина.

Названный симпозиум вошел в историю как первая крупная научная встреча математиков СССР и США. Выбор места его проведения был сделан во многом исходя из прорывных результатов в теории дифференциальных уравнений, полученных учеными Сибирского отделения АН СССР — академиками И. Н. Векуа, М. А. Лаврентьевым, С. Л. Соболевым и их школами [Хроника ...].

Таким образом, в описываемый период, по мнению отечественных дипломатов, «американская администрация осознавала, что налаживание сотрудничества с СССР в таких областях, как культура, наука и образование, отвечало интересам американского народа» [Культурные связи ...].

Однако, помимо общего осознания и понимания важности сохранения и развития данного трека, то есть политической воли, для этого имелись и необходимые формальные условия: во-первых, солидная правовая база в виде соглашения Лэйси — Зарубина, во-вторых, богатый опыт, прагматичный подход и высокий уровень профессионализма лиц, участвовавших не только в достижении договоренностей, но и в их имплементации.

4. Заключение = Conclusions

По результатам проведенного анализа можно сделать вывод о том, что соглашение Лэйси — Зарубина по сути стало отправной точкой советско-американского культурного и, что еще важнее в контексте настоящего исследования, научного диалога. Его значение для установления научно-дипломатических связей стран после Второй мировой войны сравнимо с восстановлением их же дипотношений в 1933 году, которые были разорваны после Октябрьской революции 1917 года [Райнхардт, 2017].

Впрочем, контекст этих событий принципиально различался. Так, восстановление дипломатических отношений спустя 16 лет после смены режима в России и последовавшей за ним иностранной военной интервенции, в которой участвовали США, стало во многом результатом принятия обеими сторонами пресловутого принципа мирного сосуществования. Заключение же соглашения о научном, культурном и гуманитарном сотрудничестве между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции по прошествии 13 лет с завершения войны происходило на фоне разворачивающейся Холодной войны уже между ними самими.

И тем не менее, не благодаря, но вопреки этому деструктивному явлению международной жизни, наблюдалось не просто сохранение имевшегося диалога по линии гражданского общества и научных сообществ, но в сущности его полноценный перезапуск вкупе с институционализацией. С нашей точки зрения, это было не следствием случайного стечения обстоятельств, но закономерным итогом кропотливой работы научных дипломатов по подготовке детального и конкретного Соглашения.

Став одной из несущих конструкций двустороннего сотрудничества в сферах науки и культуры в 1960-е годы, оно продлевалось каждые два года вплоть до подписания 19 июня 1973 года в американской столице Общего соглашения между СССР и США о контактах, обменах и сотрудничестве на период до 31 декабря 1979 года [Сазанова, 2007].

Думается, что из рассмотренного исторического кейса уместно извлекать уроки и в наши дни. Ведь даже в условиях гибридной войны теоретически, да и практически может найтись место для насколько возможно деполитизированного научного диалога между специалистами, представ-

ляющими недружественные по отношению друг к другу на текущем этапе государства. Необходимым, пусть и не всегда достаточным условием нахождения подобной «точки» может выступать профессионализм научных дипломатов и в более широком смысле администраторов от науки наряду с ясностью и лапидарностью договорно-правовой базы, которых часто недостает действующим в настоящее время профильным документам [Дипломатические практики ..., 2021]. Именно эти два фактора, по нашему мнению, обеспечили успех соглашения Лэйси — Зарубина, которое объективно заложило основу послевоенной советско-американской научной дипломатии.

Источники и принятые сокращения

1. *Дипломатические практики содействия международному научному сотрудничеству в России* : Доклад № 74 / 2021 / [Г. А. Краснова и др. ; под ред. Е. О. Карпинской, И. А. Цымбал, Е. С. Швецово] ; Российский совет по международным делам. — Москва : НП РСМД, 2021. — 41 с. — ISBN 978-5-6046309-2-1.
2. *Дипломатический словарь*. В 3-х т. Гл. ред. А. А. Громыко [перераб. и доп. изд.]. — Москва : Политиздат, 1960—1964. — 1756 с.
3. *Посольство Российской Федерации в США. Россия и США. Двусторонние отношения. Культурные связи* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://washington.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/cultural-connections/> (дата обращения 15.01.2023).
4. *Хроника Сибирского отделения Академии наук*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://chronicle.iis.nsk.su/event.aspx?id=1000534> (дата обращения 17.01.2023).
5. *Agreement Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Cultural, Technical and Educational Fields*. [Electronic Resource]. — Access mode : <https://librariesandcoldwarculturalexchange.wordpress.com/text-of-lacy-zaroubin-agreement-january-27-1958/> (accessed 10.01.2023).
6. *Analysis of Our Moscow Link : The U.S.-U.S.S.R. Exchange Program Has Gone on Since 1958 — Despite the Cold War and Differences in the Two Sides' Objectives*. Weintal E. The New York Times. 06.08.1961.
7. *Ex-Ambassador William Lacy Dies*. Pearson R. The Washington Post. 14.12.1978.
8. *United States Exchange Programs With the Soviet Union, Poland, Czechoslovakia, Rumania and Hungary*. Committee on Foreign Relations. United States Senate. August 20, 1959. — Washington : Government Printing Office, 1959. — 57 p.
9. *William Sterling Byrd Lacy (1910—1979)*. Office of the Historian. Department of States. United States of America. [Electronic Resource]. — Access mode : <https://history.state.gov/departmenthistory/people/lacy-william-sterling-byrd> (accessed 11.01.2023).

Литература

1. *Белякова Е.* «Кухонные дебаты» Н. С. Хрущева и Р. Никсона на американской национальной выставке в Москве 24 июля 1959 г. / Е. Белякова // В сборнике : Студенческая наука — взгляд в будущее. Материалы XVI Всероссийской студенческой научной конференции. — Красноярск : [б. и.], 2021. — С. 155—157.
2. *Выборнова В. А.* Советско-американский математический симпозиум 1963 года в Новосибирском государственном университете как научно-образовательное событие /

В. А. Выборнова // Всеобщая история. — 2019. — № 4. — С. 23—30. — DOI: 10.25791/vseist.04.2019.1085.

3. *Еремеева А. Н.* Международное сотрудничество ученых Кубани в 1920-е — 1980-е годы : основные этапы и тенденции развития / А. Н. Еремеева // Культурная жизнь Юга России. — 2011. — № 4 (42). — С. 104—106.

4. *Журавлева В. И.* Американская кукуруза в России : уроки народной дипломатии и капитализма / В. И. Журавлева // Вестник РГГУ. Серия : Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. — 2013. — № 21 (122). — С. 121—146.

5. *Иванян Э. А.* Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей / И. Э. Иванян. — Москва : Международные отношения, 2007. — 432 с. — ISBN 978-5-7133-1316-6.

6. *Курляндцева А. С.* Америка конца 1950-х — начала 1960-х годов глазами советских художников / А. С. Курляндцева // США и Канада : экономика, политика, культура. — 2020. — № 1. — С. 88—105. — DOI: 10.31857/S268667300008058-3.

7. *Курляндцева А. С.* США и СССР : удивительная история выставочного обмена / А. С. Курляндцева // Международный журнал исследований культуры. — 2021. — № 2 (43). — С. 127—142. — DOI: 10.52173/2079-1100_2021_2_127.

8. *Немудров К. А.* Государственный переворот 1957 года в Республике Сан-Марино / К. А. Немудров, Р. О. Райнхардт // Научный диалог. — 2019. — № 8. — С. 297—307. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-297-307.

9. *Новиков М. В.* Культурная дипломатия СССР в странах Запада в годы Холодной войны / М. В. Новиков, А. С. Морозов // Верхневолжский филологический вестник. — 2020. — № 2 (21). — С. 264—270. — DOI: 10.20323/2499-9679-2020-2-21-264-270.

10. *Райнхардт Р. О.* Научный тупик и санкционная вагонетка [Электронный ресурс] / Р. О. Райнхардт // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 24.08.2022. — Режим доступа : <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nauchnyy-tupik-i-sanktsionnaya-vagonetka/> (дата обращения 14.01.2023).

11. *Райнхардт Р. О.* США и Россия : 210 лет дипломатических отношений и международной коммуникации / Р. О. Райнхардт // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2017. — № 3. — С. 8—14. — DOI: 10.12737/article_58fda885671132.23223626.

12. *Сазанова Н. В.* Российско-американские обменные программы : история и современность (1958—2005 годы) / Н. В. Сазанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. — 2007. — № 12. — С. 101—107.

13. *Сазанова Н. В.* Советско-американские отношения в области культуры и науки в военный и послевоенный период / Н. В. Сазанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. — 2013. — № 1. — С. 69—74.

14. *Трегубов Н. А.* Трансформация советских культурных связей с США в условиях “Холодной войны” / Н. А. Трегубов // Евразийский журнал региональных и политических исследований. — 2017. — № 1 (17). — С. 54—65.

15. *Фоминых А. Е.* Публичная дипломатия в публичной истории : американские выставки в СССР в восприятии советских людей (1959—1991) / А. Е. Фоминых // Дневник Алтайской школы политических исследований. — 2018. — № 34. — С. 34—40.

16. *Филлипс В.* Восприятие советско-американских культурных обменов конца 1950-х гг. — начала 1970-х гг. в российском и американском обществах / В. Филлипс,

О. Н. Науменко, Е. А. Науменко // Манускрипт. — 2019. — № 7. — С. 58—61. — DOI: 10.30853/manuscript.2019.7.11.

17. Юдин К. А. Кинополитика и идеология США в период «Холодной войны» / К. А. Юдин // Вопросы истории. — 2020. — № 12—1. — С. 84—97. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi07.

18. Юдин К. А. Вот до чего довела нас дружба с американцами! Особенности советской культурной политики в середине 1950-х — 1970-е годы / К. А. Юдин // Локус : люди, общество, культуры, смыслы. — 2021. — № 1. — С. 30—46. — DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-30-46.

19. Sher G. S. From Pugwash to Putin : A Critical History of US–Soviet Scientific Cooperation / G. S. Sher. — Bloomington : Indiana University Press, 2019. — 324 p.

Material resources

Agreement Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Cultural, Technical and Educational Fields. Available at: <https://librariesandcoldwarculturealexchange.wordpress.com/text-of-lacy-zaroubin-agreement-january-27-1958/> (accessed 10.01.2023).

Analysis of Our Moscow Link: The U.S.-U.S.S.R. Exchange Program Has Gone on Since 1958 — Despite the Cold War and Differences in the Two Side's Objectives. (1961). The New York Times. 06.08.

Chronicle of the Siberian Branch of the Academy of Sciences. Available at: <http://chronicle.iis.nsk.su/event.aspx?id=1000534> (accessed 17.01.2023). (In Russ.).

Diplomatic Dictionary. In 3 t. (1960—1964). Moscow: Politizdat. 1756 p. (In Russ.).

Diplomatic practices of Promoting international scientific cooperation in Russia: Report № 74. (2021). Moscow: NP INF. 41 p. ISBN 978-5-6046309-2-1. (In Russ.).

Ex-Ambassador William Lacy Dies. (1978). The Washington Post. 14.12.

The Embassy of the Russian Federation in the USA. Russia and the USA. Bilateral relations. Cultural ties. Available at: <https://washington.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/cultural-connections/> (accessed 15.01.2023). (In Russ.).

United States Exchange Programs With the Soviet Union, Poland, Czechoslovakia, Rumania and Hungary. Committee on Foreign Relations. United States Senate. August 20, 1959. (1959). Washington: Government Printing Office. 57 p.

William Sterling Byrd Lacy (1910—1979). Office of the Historian. Department of States. United States of America. Available at: <https://history.state.gov/departmenthistory/people/lacy-william-sterling-byrd> (accessed 11.01.2023).

References

Belyakova, E. (2021). “Kitchen debates” by N. S. Khrushchev and R. Nixon at the American National Exhibition in Moscow on July 24, 1959. Krasnoyarsk: [b. i.]. 155—157. (In Russ.).

Eremeeva, A. N. (2011). International cooperation of Kuban scientists in the 1920s - 1980s: the main stages and trends of development. *Cultural life of the South of Russia*, 4 (42): 104—106. (In Russ.).

Fominykh, A. E. (2018). Public diplomacy in public history: American exhibitions in the USSR in the perception of Soviet people (1959—1991). *Diary of the Altai School of Political Studies*, 34: 34—40. (In Russ.).

Ivanyan, E. A. (2007). *When the muses speak. The History of Russian-American cultural ties.* Moscow: International Relations. 432 p. ISBN 978-5-7133-1316-6. (In Russ.).

- Kurlandtseva, A. S. (2020). America of the late 1950s — early 1960s through the eyes of Soviet artists. *USA and Canada: economics, politics, culture, 1*: 88—105. DOI: 10.31857/S268667300008058-3. (In Russ.).
- Kurlandtseva, A. S. (2021). USA and the USSR: an amazing history of exhibition exchange. *International Journal of Cultural Studies, 2 (43)*: 127—142. DOI: 10.52173/2079-1100_2021_2_127. (In Russ.).
- Nemudrov, K. A., Reinhardt, R. O. (2019). The coup d'état of 1957 in the Republic of San Marino. *Nauchnyy dialog, 8*: 297—307. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-297-307. (In Russ.).
- Novikov, M. V., Morozov, A. S. (2020). Cultural diplomacy of the USSR in the countries of the West during the Cold War. *Verkhnevolzhsky philological Bulletin, 2 (21)*: 264—270. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-2-21-264-270. (In Russ.).
- Phillips, V., Naumenko, O. N., Naumenko, E. A. (2019). Perception of Soviet-American cultural exchanges of the late 1950s — early 1970s in Russian and American societies. *Manuscript, 7*: 58—61. DOI: 10.30853/manuscript.2019.7.11. (In Russ.).
- Reinhardt, R. O. (2022). Scientific deadlock and sanctions trolley. *International discussion Club "Valdai". 24.08*. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nauchnyy-tupik-i-sanktsionnaya-vagonetka/> (accessed 14.01.2023). (In Russ.).
- Reinhardt, R. O. (2017). USA and Russia: 210 years of diplomatic relations and international communication. Scientific research and development. *Modern communication studies, 3*: 8—14. DOI: 10.12737/article_58fda885671132.23223626. (In Russ.).
- Sazanova, N. V. (2007). Russian-American exchange programs: history and modernity (1958—2005). *Bulletin of the Volgograd State University. Episode 4: History. Regional studies. International relations, 12*: 101—107. (In Russ.).
- Sazanova, N. V. (2013). Soviet-American relations in the field of culture and science in the war and post-war period. *Bulletin of Volgograd State University. Episode 4: History. Regional studies. International relations, 1*: 69—74. (In Russ.).
- Sher, G. S. (2019). *From Pugwash to Putin: A Critical History of US–Soviet Scientific Cooperation*. Bloomington: Indiana University Press. 324 p.
- Tregubov, N. A. (2017). Transformation of Soviet cultural ties with the USA in the conditions of the “Cold War”. *Eurasian Journal of Regional and Political Studies, 1 (17)*: 54—65. (In Russ.).
- Vybornova, V. A. (2019). Soviet-American Mathematical Symposium of 1963 at Novosibirsk State University as a scientific and educational event. *Universal history, 4*: 23—30. DOI: 10.25791/vseist.04.2019.1085. (In Russ.).
- Yudin, K. A. (2020). Film policy and ideology of the USA during the “Cold War”. *Questions of history, 12—1*: 84—97. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi07. (In Russ.).
- Yudin, K. A. (2021). That's what friendship with Americans has brought us to! Features of Soviet cultural policy in the mid-1950s — 1970s. *Locus: people, society, cultures, meanings, 1*: 30—46. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-30-46. (In Russ.).
- Zhuravleva, V. I. (2013). American corn in Russia: lessons of people's diplomacy and capitalism. *Bulletin of the Russian State University. Series: Political Science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental studies, 21 (122)*: 121—146. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.12.2022,
одобрена после рецензирования 20.01.2023,
подготовлена к публикации 31.01.2023.